

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ  
ФБГОУ ВО «ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ ДОНЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ  
ГОУ ВПО «ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

---

---

**ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В ГУМАНИТАРНОМ  
ДИСКУРСЕ**

---

---

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ  
КОНФЕРЕНЦИЯ**

**24-25 апреля 2020 года**



**Воронеж 2020**

УДК : 008 (082)

ББК : 71.01

К 90

**Редакционная коллегия:**

Кукарников Д. Г., канд. филос. наук, доцент

Сулимов С. И., канд. филос. наук, доцент

Рагозин Н. П., канд. филос. наук, доцент

Рагозина Т. Э., доктор филос. наук, доцент

**Философия и культура в гуманитарном дискурсе.** Материалы международной научно-практической конференции 24-25 апреля 2020 года / Отв. редактор к. филос. наук, доц. Сулимов С. И. – Воронеж : Воронежский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2020. – 258 с.

В сборнике рассматриваются различные аспекты современной философии, теории и жизненной практики культуры в контексте современного гуманитарного знания. Значительное место отводится темам из областей социальной философии и историко-культурного краеведения.

Для культурологов, философов, историков-краеведов, специалистов в области музейного и библиотечного дела, а также всех, интересующихся вопросами философии и культуры.

УДК : 008 (082)

ББК : 71.01

*Статьи публикуются в авторской редакции*

ISBN 978-5-4218-0418-5

© ФБГОУ ВО «ВГУ»

© Авторы статей, 2020

При перепечатке материалов статей и цитировании ссылка на сборник обязательна.

**СОДЕРЖАНИЕ**

**ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРА**

**КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ**

<b>Рагозин Н. П.</b> Традиция как социокультурная форма воспроизводства общественной жизни	6
<b>Рагозина Т. Э.</b> О некоторых уроках критического «сведения счётов» с недавним философским прошлым	16
<b>Попов Б. В.</b> Униформизм и вариформизм в структурах антропосоциетальности	25
<b>Даниленко Г. Э.</b> Категории «случайность» и «возможность» в поливариантных системах исторического развития: опыт методологического анализа	40
<b>Дрожжина С. В.</b> Идеологический вектор реформ П. А. Столыпина	49
<b>Лугуценко Т. В., Негода Л. Л.</b> Реинтерпретация толерантности: социально-философское осмысление границ	58
<b>Овсяникова Д. Д.</b> Ритуал и канон: специфика осуществления культурно-исторической преемственности в рамках религии	66
<b>Беженарь М. С.</b> Может ли понятие «деятельность» выражать субстанцию исторического развития общества и культуры?	71
<b>Волянский Н. П.</b> Культурная память и историческая память: критический анализ	75
<b>Чуканов Е. В.</b> О социальных основаниях исторического сознания	79
<b>Андрюшкова Н. П.</b> К вопросу о механизме предметной деятельности человека	85
<b>Лемешко Г.А.</b> Мировоззренческие основы философии Древней Руси	89
<b>Армен А. С.</b> Феминизм: женский ответ на кризис западноевропейской цивилизации	97
<b>Мусатова С. В.</b> Виртуальные сети как форма постсоциальной коммуникации	104
<b>Петрова Е. И.</b> Этническая и религиозная идентичность: структура и содержание понятий	109

**Нафанец Е. А.** Философский анализ поликультурного образования в трансформирующемся обществе 119

**Измайлова Д. И.** Феномен морального отчуждения как аксиологическая проблема глобализации 126

### **ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА**

**Modeva M. T.** Current aspects access to cultural content in conditions of social isolation (by the pandemic case-COVID-19) 135

**Губман Б. Л.** Исторический опыт и рождение постклассической философии истории 142

**Арапов А. В.** Мысль, язык и мир в «Логико-философском трактате» Людвиг Витгенштейна. 150

**Таджибаева М. А.** Вопросы отношения Абдурауфа Фитрата к классическому литературному наследию. 157

**Кукарников Д. Г.** Реконцептуализация веберовской проблематики рационализации в теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса 166

**Сулимов С. И.** Псевдоморфоза и антисистема в историко-культурном процессе: Галлия и Левант 173

**Ануфриева К. В.** Герменевтика и исторический опыт в философии В. Дильтея 183

**Авансесян А. А.** Трансцендентальная концепция опыта как фундамент теории исторического познания Баденской школы неокантианства 193

**Matkarimova A. I.** Linguoculturological features of semantic field of “respect” in Modern Linguistics 200

**Салохиддинова Н. И.** Вопросы поэтического образа в поэзии 203

**Turakulova Z. A.** The study of the literary and cultural heritage of the Oriental poets in Western Europe 208

**Гончарова Ю. В.** Серебряный век как трансформация духовности: лейтмотивы эстетики (русский символизм, декаданс, модерн) 212

### **КУЛЬТУРА И МИР**

**Костенко А. Ф. И. Г.** Песталоцци. О принципе природосообразности в воспитании 225

**Темирова М. А.** Специфические особенности употребления пословиц и поговорок в русском, узбекском и кыргызском языках 231

<b>Вербицкая О. Н.</b> Бессмертие Победы	237
<b>Павлова Г. И.</b> Александр Алексеевич Остужев (Пожаров): с железной дороги на сцену	243
<b>Швечикова А. А., Слизкая М. Ю.</b> «Волшебство на кончике кисти» (о жизни и творчестве росошанской художницы Л. В. Копань)	246
<b>Данилова К. Ф.</b> Я нашел тебя, дед!	251
<b>Сведения об авторах</b>	254

УДК [11:316.3] – 043.74-043.86-044.64

**Униформизм и вариформизм  
в структурах антропосоциетальности**

В. Б. Попов

Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко (ЛНР, г. Луганск)

Одним из перспективных направлений современной постнеклассической науки является, на наш взгляд, применение новых нелинейных концептуальных синтезов из смежных областей знания. В отличие от классических они не предполагают сведение воедино в рамках некоего общего направления различных методологием, подходов и принципов, а развиваются сопряжено в диффузном трансконтинуумном эпистемологическом поле, не смешиваясь друг с другом. Данный когнитивный феномен раскрывается нами через категории «концептуальная сопряженность»/«связка»/«имплементация» [26, с. 102-103]. Пример подобной концептуальной сопряженности дает биологическая и социальная теории эволюции, развивающиеся параллельно друг другу в рамках Общей теории эволюции (ОТЭ), на что мы также обращали внимание [27]. В этой связи весьма показательным нам представляется то, как идеи эволюционной морфологии из биологии перекочевали в социальное познание. Не менее плодотворные результаты могут быть получены при концептуальном сопряжении проблем детерминации в отношении так процессуальности, так и структурности в биологической и социальной теориях эволюции.

Данный эпистемологический дискурс (эволюция самих механизмов эволюции, так называемая «эволюция эволюции») окончательно сформировался к середине 30-х гг. XX в. Приоритет в постановке проблемы П. Штомпка отдает Л. Уорду (1883 г., «Динамическая социология»), где говорится, что сам механизм эволюции не постоянен, а изменяется с течением времени [44, с. 143-144]. Американский ученый разграничивает «генезис» – период стихийной естественной эволюции и «телезис» – сознательная целенаправленная эволюция. Эволюция начинается у него как «космогенезис», охватывающий всю Вселенную, а в определенный момент в нее включается новый феномен – жизнь и, соответственно, новый механизм – «биогенез», дополняющий космогенез. Наконец, с появлением человека и общества к ним прибавляются «антропогенез» и «социогенез». Все четыре механизма действуют сообща, накладываясь друг на друга. Факторы целенаправленного развития особенно

усиливаются на последней стадии, создавая новые возможности социальных изменений.

В биологической теории эволюции (БТЭ), хотя саму проблему относят еще ко временам Ламарка (два типа эволюции) и Дарвина (постоянство причин эволюции), все же появление самого термина «эволюция эволюции» связывают с работами А. Шелла (1936), который говорил о необходимости изучать исторические преобразования самого аппарата наследственности как фактора эволюции [10, с. 3-4]. Несомненный вклад в ОТЭ, а не только в теорию биологической эволюции, внесла идея Ю. А. Филипченко (1927) о разграничении микро-(внутривидовой) и макроэволюции (надвидовой). В ответ со стороны дарвинизма тезис об отсутствии особых макроэволюционных механизмов, отличных от дарвиновской триады, приобрел характер непререкаемого постулата среди его приверженцев. В последующем развитие вопроса соотносится с именами А. Н. Северцова, А. А. Парамонова, И. И. Шмальгаузена и некоторых других разработчиков эволюционной морфологии [29, с. 184-224.]. В итоге выделяются две позиции: униформисты (неизменность факторов эволюции) и вариаформисты (эволюция факторов эволюции) [Там же, с.8–9,80–83]. Однако если в социальном познании вариаформизм трактовался как переход от стихийной эволюции к сознательной (генезис – телезис/социогенез), то в втором чаще всего постулировалось возрастание роли биотических факторов по сравнению с абиотическими.

В социальной мысли идеи вариаформизма, на наш взгляд, в первую очередь следует связать с воззрениями Д. Лукача, имеющими своим основанием фразу Ф. Энгельса о возрастании роли средств производства в общественной эволюции от «ранних периодов» до их «современного деспотического господства» [46, с. 146]. Выдвигая на первый план концепт тотальности в ее конкретно-историческом развитии («историческая тотальность»), Лукач проводит ту же концепцию усиления социально-экономической детерминации по мере общественного развития [18, с. 249-250]. В более осторожном и опосредованном виде в советской общественной мысли схожие идеи выдвигают М. В. Колганов и В. П. Шкредов, когда стадильно разграничивают капиталистическую частную собственность (М. В. Колганов вообще противопоставляет ее отношениям «владения» в докапиталистических формациях [14]) и частную собственность как атрибут антагонистических обществ в целом [43, с. 203, 244], что с известной долей смелости можно охарактеризовать как смену детерминационных связей при капитализме, откуда уже недалеко и до вариаформизма.

Классические модели социетальных структур (прежде всего это системы Гегеля и Маркса) построены по принципу униформизма, то есть линейной, однозначной неизменной детерминации. Выделяется абсолютная, решающая детерминанта, выступающая как субстанция социальности. Разница только в ее направленности. У Гегеля она идет сверху вниз – от сферы духа в социальную материю. У Маркса же, наоборот – от способа производства по линии базис – надстройка. Уточнения Энгельса в так называемых письмах по поводу исторического материализма, где признается известное воздействие надстройки на базис, картины не меняют, поскольку он всякий раз подчеркивает вторичный, производный характер подобной детерминации.

При этом в письме к Й. Блоху Энгельс указывает, что общая детерминанта получается как результат столкновения множества отдельных волей, который можно рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое бессознательно и безвольно [47, с. 395-396]. Почему же в итоге подобного скрещения волей и стремлений людей возникает некая общность, а не хаос и беспорядок, задает вопрос С. Л. Франк [35, с. 41-42]. Ответ очевиден. Это возможно только благодаря тому, что через посредство индивидуальных элементов действуют некие общие силы, не объяснимые в парадигме социального атомизма (сингуляризма) [Там же, с. 42]. Видимо, из этого исходил и Ф. Энгельс, вольно или невольно задействовав векторную модель социальной детерминации, где целостность социального поля обеспечивает законы сложения и вычитания векторных сил. Детерминация, идущая от способа материального производства, понимается им как решающая сила, поглощающая все остальные. Впрочем, ряд соображений Ф. Энгельса смягчает однозначность подобной схемы. Мы здесь имеем в виду все то же письмо к К. Каутскому от 26.06.1884 г. [46, с. 146], могущее быть истолкованным и в духе вариационизма.

Нетрудно заметить, что все системы линейной детерминации построены по единой механической модели – выделяется некий ведущий блок («двигатель»), приводящий в движение все остальное. У Маркса – это развитие производительных сил (ПС), у Гегеля – саморазвитие духа. Наиболее емкую, на наш взгляд, критику подобной механической детерминации дал Г. С. Померанц, вполне убедительно показавший, что состояние отдельных сфер надо выводить не друг из друга, а из целостности социальной структуры. При этом развитие целого вовсе не должно предшествовать развитию частей; напротив, новое обычно возникает в какой-то частной сфере и из нее воздействует на всю систему. Существенно, что сама возможность появления нового зависит от «центральной переменной» (например, от степени дифференциации

общественной системы) [25, с. 294-296]. В этом же ключе работает и Ш. Эйзенштадт, когда выделяет два общественных макротипа: плюралистический и монистический, показывая, что внутреннее развитие в монистических типах менее вероятно, чем в плюралистических [45, с. 114-116, 157-160, 217-221, 269-270]. Развитие политических и социокультурных процессов, согласно его воззрениям, прямо пропорционально от степени дифференциации данных сфер общества. Весьма показательны в этом плане судьбы развития капиталистических отношений в Италии и Испании, с одной стороны, а с другой – в Голландии, Англии и Франции в XV- XVIII вв.

Элементы вариационизма обнаруживаются в воззрениях советских авторов, занимающихся проблемой соотношения природно-географических и социальных факторов исторического процесса. Здесь общим местом стал тезис об ослаблении роли первых по мере развития общества. Воздействие географических факторов рассматривалось как результат воздействия внешней среды, которая может либо усилить, либо затормозить социальную детерминацию, но кардинальным образом изменить ее не в состоянии. Максимум, что могла позволить себе марксистская историография, не рискуя подвергнуться обвинениям в географическом детерминизме, – это тезис о включенности природно-географических факторов в общую систему ПС [1, с. 26; 32, с. 80; 42, с. 95]. Е. М. Жуков и его соавторы осторожно подходят к идее социального гомеостаза, не применяя, правда, подобное определение. Данное состояние восточных обществ они характеризуют таким уровнем соотношения между обществом и природой, когда социально-экономические структуры поддерживают свои основные пропорции в естественно-географической среде так, что они становятся «адекватными этой популяции, природной среде обитания и региону» [9, с. 186-188]. Это состояние, по мнению авторов, и является неотъемлемым условием застойности так называемого «восточного феодализма». Определенное смещение акцентов в рамках формационной теории демонстрирует концепция В.В.Макаренко, где уже формационная общность трактуется как географическая среда, организованная особым образом, а сама формация – историческая форма организации среды [19, с. 136-137]. Дальнейшее развитие подобных представлений дает уже плавный переход к теории коэволюции и социоестественной истории, в частности, в духе Э. С. Кульпина.

Из числа работ советского периода по проблеме исторического детерминизма только А. Я. Гуревич достаточно определенно высказался в пользу того обстоятельства, что следует говорить не о детерминизме вообще, а о конкретных закономерностях данной социальной системы или структуры. Смена системы предполагает и смену

типов детерминизма [5, с. 63-64, 66-68]. То есть тип детерминации, сложившийся в индустриальную эпоху, не может быть автоматически перенесен на прочие исторические типы социетальности. Здесь же появляются и наброски векторной модели социальной детерминации. Так, говорится о взаимодействии различных детерминант, «равнодействии» социальных сил [Там же, с. 63-64, 71].

Применение векторной модели при описании процессов общественной детерминации ведет к тому, что детерминация, идущая от способа производства, видится одним из векторов в общей системе детерминант. В качестве прочих векторов обычно называются культурно-цивилизационные, экологические, социо-ментальные, этнические и прочие факторы. Все они располагаются в различных плоскостях по отношению друг к другу, а «сплетение взаимодействий» этих векторов и определяет «стратегическую переменную» в терминологии П. Вейна [8, с. 33, прим.2].

Подобные схемы, в конечном счете, восходят к системе перекрестной детерминации в системе AGIL Т. Парсонса, где векторы, исходящие от каждой подсистемы, в принципе равнозначны, а иерархия возникает в результате социетального контроля по линии  $A - G - I - L$ , а также информационного в обратном направлении ( $L - I - G - A$ ). Важнейший вид информационного контроля осуществляет «фидуциарная система», однако ее элементы не обуславливают основные структурные преобразования в социальной системе. Контрольно-иерархические отношения в подсистемах и между ними можно представить как отношения между «санкциями» со своими особыми сферами контроля. В итоге прослеживаются два типа детерминаций: линейный («спенсеровский») и нелинейный (перекрестный). Ведущую роль играет «спенсеровский» тип, развертывающийся по линии дифференциация – интеграция – адаптация [24, с. 98-100, 109, 111, 114-117], в рамках которого и осуществляется перекрестная детерминация между подсистемами.

В рамках системы AGIL построена и модель Л. А. Седова [30]. Он выделяет ряд исторических типов социетальности по принципу преобладания той или иной подсистемы. Так, западное общество, по его мнению, отмечено гипертрофированным развитием экономической подсистемы; ближневосточные общества (турецко-иранские, ранние исламские государства) – гипертрофия целедостиженческой функции, то есть политической системы; общества с преимущественным развитием функции интеграции (подсистемы культурно-религиозная и интегративная) – Индия и Китай. Тем самым данная схема воспроизводит ряд существенных недостатков парсоновской, которая, в свою очередь, подвергалась вполне обоснованной критике за абсолютизацию

социальной структуры западного индустриального общества и его перенос на прочие типы общественного устройства. Далее, с одной стороны, постулируется наличие вполне обособившихся подсистем с автономной логикой развития, с другой – указывается на их нерасчлененность. Так, говоря о приоритете в китайском обществе культурно-религиозных факторов [Там же, с. 60-61], он далее заявляет о слиянии цивилизационно-культурного и политико-управленческого слоев [Там же, с. 61]. Налицо проявление нерасчлененности подобных сфер.

Итак, можно заключить, что целое всегда сложнее и организационно выше своих составляющих. Именно вся полнота социальности (антропосоциетальность) и определяет тенденции развития своих составных частей и характер взаимосвязей между ними. Становится очевидным, что базисно-надстроечный детерминизм противоречит этому принципу. Социальному униформизму противостоят также концепты плюрализма и индетерминизма. Не вдаваясь в детальное рассмотрение по этому поводу, отметим, что подобные подходы представляют еще глухой методологический тупик, а теории равнозначных факторов, в конечном счете, ведут к досужим рассуждениям о роли носа Людовика XVI в истории (что вполне понятно) или Клеопатры (что вовсе непонятно). Выход из ситуации нам видится в системе гибкого детерминизма, основывающегося на парадигме вариформизма (эволюция эволюции).

Видимо система детерминаций в доиндустриальных обществах должна строиться на иных принципах, отличных от линейно-однозначных. Детерминация, идущая от какой-либо сферы общественной жизнедеятельности, не предопределяет весь комплекс общественных отношений. Мнение о том, что социокультурные и социоэкологические факторы могут блокировать детерминацию, идущую от способа производства, высказывались еще в ходе дискуссии 1987-1991 гг. [34, с. 54-55, 56-57]. Впоследствии появился и ряд исследований в данном направлении. Культура рассматривалась как способ регуляции общества, особенно в условиях ограниченности ресурсов природного пространства. Модели общественного устройства в традиционных обществах ориентированы на включение социума в космическую иерархию как с помощью экофильных ритуалов [17; 22;], так и посредством совершенствования методов управления, что во многом достигалось путем обеспечения преемственности в накоплении знаний и их осмыслении в соответствии со взглядами на космическое мироустройство [16]. Преобразующая человеческая деятельность направлена здесь на поддержание стабильности, которая воспринимается как вселенская гармония между природой и социумом. В случае же угрозы среде обитания со стороны экофобных

производств, включается самозащита природы – своеобразный экологический тормоз, блокирующий их широкое распространение [7]. Таким образом, в традиционных обществах приоритет принадлежит экофильным культурно-цивилизационным факторам, с помощью которых и достигается социальная адаптация к среде обитания. Теория социоестественной истории, как исторический вариант экосферных эволюционных подходов вполне показала свою применимость. В качестве классической модели можно рассматривать историю Китая [15; 21].

В отечественной историографии еще в конце 80-х гг. прошлого века М. А. Чешков поставил вопрос о несистемном характере Общности развивающихся стран (ОРС), где решающая роль определяется не столько субстанциями, сколько связями между ними, в отличие от их миросистемных аналогов [36, с. 163-164; 37, с. 120]. Впоследствии к несистемным типам общественного устройства добавились и тоталитарные общества [38]. Говорилось и о возможности сконструировать разные «картины мира» исходя из двух идеальных моделей этого объекта: Мировой социальной системы (МСС) и Несистемной общности (НСО). Если МСС структурируется центро–периферийными отношениями (сравни с валлерстайновским конструктором), то НСО формируется диалогическими регионами (напр., Запад – Исламский мир и т.п.) [20, с. 53-53]. К концу 90-х гг. у него сформировалось представление об ОРС как аструктурном образовании массовидного типа, природа которой не системна, но конгломеративна, мозаична и отчасти представляет неопределенное множество. В итоге ее характеризуют три базовых признака: объектность, массовидность, периферийность [39, с. 196-198].

В сходном направлении движется и А. Я. Гуревич, когда говорит о том, что базисно-надстроечная модель не работает применительно к истории докапиталистических обществ, где эти явления не просто «переплетены», а находятся в «первозданной нерасчлененности», в частности, даже в феодальном обществе экономика не выделилась в особую сферу жизнедеятельности [33, с. 23]. Впрочем, неартикулированность различных видов жизнедеятельности в первичных культурах отмечает еще Н. Я. Данилевский [6, с. 472-473]. Тем самым надо различать общественные подсистемы, являющиеся продуктом индустриального, структурно-дифференцированного общества от институализированных сфер предшествующего периода. Формирование последних связано с фазовым переходом от первобытности к государственному способу социальной организации (в нашем понимании – это стратифицированные общества). Следующая социетальная трансформация дает уже

капиталистические/индустриальные общества с соответствующим детерминационным типом.

М. А. Чешков выделяет следующие этапы структурной дифференциации: постпервобытные доиндустриальные общества, где основные виды деятельности (материально-производственная, духовная и военно-организационная) хотя и расчленены, но лишены автономности; индустриальные, в которых автономность сфер закреплена в их взаимосвязях и поэтому – в интегрированности (моносистемный тип общества). Далее, в постиндустриальную эпоху автономные начала вписаны уже в полисистемность или в т.н. множественную системность, в отличие от системной множественности второго типа [41, с. 95].

Возникновение сфер общественной жизнедеятельности есть результат общественного разделения труда. Из первичной нерасчлененности (неартикулированной социальной массы) выделяются различные виды деятельности, которые затем институализируются, что на разные лады описывается целым спектром стратификационных теорий (наиболее обстоятельно в теории «раннего государства»). Окончательную институализацию общественных сфер следует связать с переходом от первобытности к цивилизации. Тем самым социальный институт как целостность/тотальность выступает в том случае, когда его нормативно-регулятивное начало оформляется в единство с относительно самостоятельными организационными структурами.

Нам представляется возможным более широко трактовать понятие «стратифицированные общества» как докапиталистические постпервобытные государственные образования, специфической чертой которых является характер связи индивида с властными структурами, что представляется структурообразующим параметром социального деления [11, с. 75-80]. Данный феномен именуется Л. С. Васильевым «властью-собственностью», чьи воззрения стоят в одном ряду с редистрибутивными теориями и концепциями «раннего государства», прежде всего с идеями Э. Сервиса [2; 3, с. 66-82].

В итоге имеет смысл говорить о «матричном» детерминационном типе, соответствующий стратифицированным обществам с их специализацией общественных сфер без закрепления в структурной иерархии и системно-дифференцированном, действующим в условиях структурной и системной расчлененности (индустриальное общество). В первом случае, в отличие от второго, экономика не превратилась в общественную подсистему, определяющую весь комплекс социальных отношений. Что

же представляют собой эти исторические типы детерминаций? Четкого ответа здесь нет. В качестве «матрицы» (лат. *matrix* – матка, источник, начало) можно представить патриархальную общину, где структурообразующие принципы семейной организации переносятся на надобщинные структуры и само государство видится как большая семья, в идеале строится по конфуцианскому принципу: «император – отец, подданные – его дети». Данному типу детерминаций и сопутствует, вышеназванная «первозданная нерасчлененность», когда ни один вектор детерминаций не выделился в господствующую самостоятельную сферу из общей массы социетальности. Главное базисное отношение здесь – воспроизводство общества как нерасчлененного комплекса. Тем самым воспроизводится вся целостность (тотальность) социума. Векторы, исходящие из какой-либо сферы, по отношению друг к другу имеют характер не обособленной «внешней» силы, изнутри воздействующей на прочие, а «свою иную» природу, перетекая от одного источника к другому, не разрывая в то же время связи и с предыдущим. Они как бы растворены друг в друге. Для этого может быть скорее затребована не векторно-структурированная модель детерминации, а принцип силового поля, единого «клубка» детерминаций. В качестве идеального типа здесь могут быть рассмотрены царско-храмовые комплексы III династии Ура, которые невозможно однозначно соотнести ни с политической, ни с экономической, ни с социокультурной/духовной сферой. Для отражения подобного феномена, всплывает ипостасная модель (о ней см. [28, с. 72-78, 270-278]).

В формирующихся структурно-дифференцированных / системных обществах векторы детерминаций развертываются по мере структурного вычленения общественных сфер / subsystem. Именно данный тип отражен в общеизвестной макромоделе Парсонса. Социально-экономическая детерминация становится господствующей в процессе становления индустриальных обществ. Она в известной мере приобретает характер внешней силы, подчиняющей все прочие (социоэкологические, социокультурные, социополитические и т.д.).

Если социетальная структуризация по линии досистемные, системные и постсистемные (постиндустриальные) общества развертываются в линейной логике, то феномен тоталитарных, социалистических и тьермодиалистских обществ явно из нее выпадает. Это образования нелинейной, астадиальной природы.

Для социалистического варианта характерны обратные процессы деструктуризации. Наметившиеся было процессы системной дифференциации, обнаружили свою обратимость. Они вновь сливаются в нерасчлененное единство,

которое М. А. Чешков именуется советской тотальной общностью [39, с. 163-167]. Подсистемы вновь становятся институализированными сферами [11, с. 712-714]. Термин «моносоциетальная общность» (МСО) видится здесь весьма уместным. Слог «моно» указывает как раз на вторичную структурную нерасчлененность. Здесь можно говорить и о новом издании матричной детерминации, но теперь это матрично-индустриальный, «искусственный» тип, отличный от первичного «естественного». Именно подобный феномен Ю. И. Семенов определяет как индустро-политарное общество – неополитаризм [31, с. 501-505]. В качестве матрицы выступает уже не община, а завод, тотально сросшийся с социетальной партийно-политическо-хозяйственной общностью.

При этом аналогии с древневосточными деспотиями или с фашистским тоталитарным режимом являются весьма надуманными. Прежде всего, советские структуры, обнаруживающие некоторые параллели с «азиатскими» (вышеназванные царско-храмовые комплексы III династии Ура – советские колхозы и т.п.), возникают на иной, индустриальной основе, в качестве астадиальных и в известной мере превращенных форм [28, с. 347-370]. Что же касается фашистско-тоталитарного типа, то здесь отметим только то обстоятельство, что система ГУЛАГа в СССР не была закреплена на концептуальном уровне и может быть отнесена скорее к «практике» социалистического строительства, нежели к его «теории», чего никак нельзя сказать о нацистской концепции уничтожения «неполноценных» наций. Тоталитарный тип общественного устройства сложился в результате гипертрофированного разрастания общественной сферы, где слились воедино милитаристский сектор экономики и его политический сегмент, который возглавила партия тотального господства (НСДАП). Далее часть возомнила себя целым и поглотила его, из чего органично вытекала идея мирового господства. В советском же типе социетальности произошло слияние еще не вполне обособившихся общественных субсистем в единую социототальность (моносоциетальность).

Для стран бывшего «Третьего» мира структурная дифференциация носит конгломеративный характер, что и определяет характер социальной детерминации, также приобретающий соответствующие параметры [11, с. 956-962]. Если крах «Второго» мира поставил под вопрос и существование «Третьего», то теперь, скорее всего, можно говорить о трансформации тьермондиализма, в связи с чем, предлагается такой концепт как «возрождение Востока» [40]

На наших глазах, видимо, складывается очередной постиндустриальный тип детерминации, связанный с формированием сетевых технологий. Сеть обычно определяется как совокупность объектов, объединенных друг с другом нелинейными взаимодействиями [23, с. 17]. Характер постиндустриальных нелинейных взаимосвязей отчасти иллюстрируется уже устоявшимся понятием «ризома». Ее сущностная особенность – децентрализация и антииерархичность, что противопоставляется как механическим системам, так и органическим целостностям. В результате координация операций и синхронизация общего результата достигаются без центрального органа. Впрочем, М. Кастельс выделяет и промежуточную форму между вертикальной интеграцией и децентрализованной сетью. Это сетевая организация, развертывающаяся в горизонтальном измерении по принципу «центр – периферия» [12, с. 96].

Сетевое пространство («пространство потоков» – М. Кастельс) обладает нелинейной, постоянно меняющейся геометрией. Одни сети и связи распадаются, постоянно возникают новые конфигурации связей. М. Кастельс говорит о переходе к более слабым, но многообразным и комплексным социальным связям [13, с. 155]. Детерминации в данных образованиях носят прерывистый, пульсирующий характер. Б. Гейтс в этой связи применяет термин «прерывистый хаос» [4, с. 417]. Смысл сетевых отношений заключается в степени их приближения к социальному агенту. Сеть предполагает примат детерминации дальнего действия над потенциалом ближнего действия. Ее действие базируется на символическом посредничестве и есть замена обмена ресурсами обменом символами. Сетевое господство предполагает символическое подчинение реальных носителей ресурсов. Суть сетевых коммуникаций представляется нам в редистрибуции ресурсов посредством символических актов. Роль центрально-периферийных отношений здесь существенно элиминируется. Данные процессы не получили окончательного и повсеместного распространения, однако налицо ситуация, когда размываются четкость и структурность социальных образований, которые, тем самым, постепенно приобретают изменчивую, «текучую» природу. Можно говорить о пульсирующе-сетевой социетальной детерминации как качественно новом типе отношений.

Таким образом, если принять во внимание типологическое разнообразие несистемных социальных образований, то можно говорить о досистемном, системном, несистемном (тоталитаризм, моносоциетальная общность/реалсоциализм, тьермондиализм) и постсистемном (постиндустриальном) типе структуризации. В

рамках социального вариационизма, соответственно, следует выделить следующие виды общественной детерминации: матричный (стратифицированные общества), векторный, структурно–дифференцированный (капиталистические / индустриальные), гипертрофированный моноцентризм (фашистско-тоталитарные), матрично-индустриальный (моносоциетальная общность/реалсоциализм), конгломеративный (тьермондиалистские) и пульсирующе–сетевой (постиндустриальные / информационные).

### Библиография

1. Анучин В. А. Географический фактор в развитии общества. – М.: Мысль, 1982. – 334 с.
2. Васильев Л. С. Феномен власти–собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур / Л. С. Васильев // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. – М.: Наука, 1982. – С. 60-99.
3. Васильев Л. С. История Востока / Л. С. Васильев. – М.: Высш.шк., 1998. Т.1. – 495 с.
4. Гейтс Б. Бизнес со скоростью мысли / Бил Гейтс. – М.: Эксмо, 2007. – 484 с.
5. Гуревич А. Я. Об исторической закономерности / А. Я. Гуревич // Философские проблемы исторической науки. – М.: Наука, 1969. С.51–79.
6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / А. Я. Данилевский. – М.: Книта, 1991. – 574 с.
7. Деопик Д. В. Традиционные формы экологически безопасных технологий в рисоводческих обществах Юго–Восточной Азии / Д. В. Деопик // Вест. Моск. ун-та. Сер. 13. 1991. № 3. С. 32–35.
8. Дилигенский Г. Г. «Конец истории» или смена цивилизаций? / Г. Г. Дилигенский // Вопросы философии. 1991. № 3. С.29–42.
9. Жуков Е. М., Барг М. А., Черняк Е. Б., Павлов В. И. Теоретические проблемы всемирно–исторического процесса / Е. М. Жуков, М. А. Барг, Е. Б. Черняк, В. И. Павлов. – М.: Наука, 1979. – 330 с.
10. Завадский К. М., Колчинский Э. И. Эволюция эволюции (историко–критические очерки проблемы) / К. М. Завадский, Э. И. Колчинский. – Л.: Наука, 1977. – 236 с.
11. История и теория мировых цивилизаций / Под общей ред. И. В. Довжука. – Луганск: Изд-во ВНУ им. В. Даля, 2010. – 1116 с.

12. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Мануэль Кастельс. – М.: GEU, 2000. – 394 с.
13. Кастельс М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – М.: У-фактория, 2004. – 328 с.
14. Колганов М. В. Собственность. Докапиталистические формации / М. В. Колганов. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 496 с.
15. Кульпин Э. С. Концепция социоестественной истории Китая / Э. С. Кульпин // Народы Африки и Азии. 1988. № 6. С.25-38.
16. Майоров В. М. Экология и информация в традиционном Китае / В. М. Майоров // Вестник Моск. ун-та. Сер. 13. 1991. № 3. С. 41–46.
17. Лапина З. Г. Ритуал как способ организации жизни в традиционной китайской культуре / З. Г. Лапина // Вест. Моск. ун-та. Сер. 13. 1991. № 3. С. 4-16.
18. Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены / Д. Лукач. – М.: Прогресс, 1991. – 412 с.
19. Макаренко В. В. Географическая среда в формационном развитии Запада и Востока / В. В. Макаренко // Ориентация–поиск: Восток в теориях и гипотезах. – М.: Наука, 1992. С. 131-153.
20. Миросистемный подход сегодня // Мировая экономика и международные отношения. 1991. № 11. С. 51-68.
21. Мугрузин А. С. Роль природного и демографического факторов в динамике аграрного сектора средневекового Китая / А. С. Мугрузин // Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока. – М.: Наука, 1986. С. 11-44.
22. Навлицкая Г. В. Об экологичности культуры древней Японии / Г. В. Навлицкая // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 13. 1991. № 3. С. 16-26.
23. Назарчук А. В. Теория коммуникации в современной философии / А. В. Назарчук. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 320 с.
24. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / Т. Парсонс // Thesis. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 94-122.
25. Померанц Г.С. Выход из транса / Григорий Померанц. – М.: Юрист, 1995. – 575 с.
26. Попов В. Б. Становление эволюционной теории: дискретность и классика концептуального сопряжения / В. Б. Попов // Вестник Луганского национального университета им. Владимира Даля. 2017. № 4. Ч.1. С. 102-109.

27. Попов В. Б. Эволюция эволюционизма: классика и постклассическая трансформация / В. Б. Попов // Культура и цивилизация. 2018. Вып. 2 (8). С. 28-31.
28. Попов В. Б. Антропосоциетальный Универсум: многомерная эволюция / В. Б. Попов. – Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2019. – 426 с.
29. Северцов А. С. Направленность эволюции / А. С. Северцов. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 272 с.
30. Седов Л. А. К типологии средневековых общественных систем Востока / Л. А. Седов // Народы Африки и Азии. 1987. № 5. С.51-62.
31. Семенов Ю. И. Философия истории / Ю. И. Семенов. – М.: Современные тетради, 2003. – 776 с.
32. Троицкая Т. К. Природа и развитие общества докапиталистических формаций. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. Госпединститута, 1989. – 80 с.
33. Философия и исторические науки. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1988. № 10. С. 18–64.
34. Формации или цивилизации (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 34–59.
35. Франк С. Л. Духовные основы общества / С. Л. Франк. – М.: Республика, 1992. – 528 с.
36. Чешков М. А. Рост капитализма и общая теория развивающегося мира / М. А. Чешков // Народы Африки и Азии. 1988. № 4. С. 150-167.
37. Чешков М. А. Восток – «третий мир»: идея преемственности и ее критика / М. А. Чешков // Ориентация – поиск: Восток в теориях и гипотезах. – М.: Наука, 1992. С. 114-130.
38. Чешков М. Тоталитаризм в зеркале ортодоксального марксизма / М. Чешков // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 2. С. 151-154.
39. Чешков М. А. Глобальный контекст постсоветской России: Очерки теории и методологии мироцелостности / М. А. Чешков. – М.: ЦКО МОНФ, 1999. – 300 с
40. Чешков М. Возрождение Востока и развивающиеся страны в мировом контексте / М. Чешков // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 11. С. 69-80.
41. Чешков М. А. Двойная спираль глобализации / М. А. Чешков. – М.: Изд-во ИМЭМО РАН, 2007. – 178 с.
42. Шевеленко А. Я. Природный фактор и европейское общество V – X веков / А. Я. Шевеленко // Вопросы истории. 1969. № 6. С.87–105.

43. Шкредов В. П. Метод исследования собственности в «Капитале» К. М. Маркса / В. П. Шкредов. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – 262 с.

44. Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 417 с.

45. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ / Ш. Эйзенштадт. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 416 с.

46. Энгельс Ф. Письмо К. Каутскому в Цюрих от 26.06.1884 / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 145-147.

47. Энгельс Ф. Письмо Йозефу Блоху 21-22. 09. 1890 г. / Ф. Энгельс // К. Маркс, Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 393-397.

## **ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В ГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ**

Сборник статей по материалам международной научно-практической  
конференции  
24-25 апреля 2020 года

Редакционная коллегия

Кукарников Д. Г., канд. филос. наук

Сулимов С. И., канд. филос. наук

Рагозин Н. П., канд. филос. наук

Рагозина Т. Э., доктор филос. наук

В оформлении обложки использована картина Рене Магритта «Возобновление»

Подписано в печать 19.06.2020. Формат 60x84 1/16.

Усл. печ. л. 15,0 Тираж 100 экз. Заказ 240

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Гарнитура Таймс. Ризография

Отпечатано: Воронежский ЦНТИ

394036, Воронеж, пр. Революции, 30.